

И. В. Столярова (Санкт-Петербург)

**РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ И ДЕМАГОГИЯ
КАК СРЕДСТВО НЕУДАЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на материале художественного дискурса)**

Статья посвящена анализу тактики речевой манипуляции героев рассказов «Зойка» Л. Райт и «Лукиянов и Серый» А. Слаповского. Отмечаются демагогические рассуждения, выраженные оборотами книжной лексики, свойственные внутренней речи персонажа, несобственно-прямая речь, наполненная газетными штампами, вытеснившими потребность мыслить. Показано, как лингвистическая демагогия оборачивается против самого демагога, становясь его сущностью; речевая агрессия приносит вред и самому агрессору, разрушая его личность изнутри. Демагогическая сущность говорящего не позволяют преодолеть негативное отношение адресата. Демагог терпит неудачу в стремлении создать у адресата иллюзию свободы выбора; неловкие попытки найти мотив, через который можно проникнуть в психическую сферу, не приводят к успешной коммуникации.

Манипуляция – это психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им. Проблема манипулирования сознанием отдельного человека, как и общественным сознанием, при помощи речи – одна из самых интересных и жизненно важных.

Красноречие демонстрирует умение выступающего публично мыслить. Это красноречие преимущественно позитивное, так как призвано пробуждать в слушателях радость узнавания нового. Оно ведет к пониманию, устанавливая с аудиторией диалогические отношения. Выступающему необходимо иметь склонность к речевому воздействию, способность интерпретировать действительность, стремиться к успеху и быть заранее готовым к поражению.

По мнению И. А. Стернина, эффективному общению надо учиться, как основам грамоты, необходимой каждому. Исследователь отмечает, что мы постоянно делаем замечания незнакомым, даем советы тем, кто нас не просит, критикуем людей при свидетелях и делаем еще много такого, чего категорически нельзя делать с точки зрения эффективности общения в цивилизованном обществе. Все это мешает достижению позитивного результата, ведет к повышенной конфликтности общения [1, с. 8].

Несомненной представляется мысль Ю. Н. Караулова о том, что «правильное пользование языком требует усилия и отдачи». Ученый размышляет о состоянии современного русского языка [2, с. 9] и подчеркивает, что надо говорить прежде всего о «состоянии говорящих на нем людей».

Речевая манипуляция героев современной художественной прозы – неотъемлемая часть «воспитательного процесса». Говоря о речевом портрете современного учителя, В. А. Козырев и В. Д. Черняк обращают внимание на то, что речевое поведение является визитной карточкой личности, отмечая преобладание в педагогической среде среднелитературного типа речевой культуры, для которого характерна так называемая ортологическая пассивность, то есть невнимание к языковой норме и ее нарушениям, собственная речевая небрежность, неумение и нежелание ставить вопросы о фактах языка и речи. Исследователи также акцентируют внимание на жаргонизации речи учителя, даже выраженной конфликтогенности, нагнетании отрицательной экспрессии [3, с. 41]. И. В. Столярова обращает внимание на приверженность учителей к употреблению пословиц, устойчивых выражений, позволяющих самоустраниться от возникающих проблем [4, с. 134]. Ю. Н. Караулов отмечает так называемую интимизацию речи без равноправия, чаще всего встречающуюся в речи ведущих разнообразных телешоу, когда от зрителей с разной степенью агрессивности требуется доверие, раскрепощение, раскрытие своего «я» без всяких обязательств такой же степени открытого общения со стороны ведущего. Он только играет роль своего парня, якобы имеющего право на сокращение дистанции [2, с. 12]. Это же явление наблюдается и при общении учителя со школьниками.

Стратегия речи разрабатывается в расчете на конкретную аудиторию. И. А. Стернин рассматривает следующие параметры аудитории: небольшая/большая; хорошо подготовленная/мало подготовленная; женская/мужская;

детская/подростковая/молодежная; настроенная по отношению к оратору положительно/равнодушно/отрицательно; однородная/разнородная [5, с. 76]. В небольшой аудитории выступление может приобрести характер беседы, оратор привлекает слушателей к совместному рассуждению, его аргументация должна быть особенно тщательной. В большинстве своем дети (лет до 11) не понимают иронии и подтекста, но ценят событийность изложения.

Сюжет рассказов Ларисы Райт «Зойка» и Алексея Слаповского «Лукиянов и Серый» построен на противостоянии и конфликте двух сторон – воспитателя и воспитуемого.

В рассказе Л. Райт «Зойка» речь идет о судьбе девочки, лишившейся в автокатастрофе родителей и попавшей в детский дом. При встрече потенциальных новых родителей и сироты Зойки ребенок сразу настораживается – так не похожи новые мама с папой на своих, любимых: *Женщина почему-то кажется Зое несимпатичной. Ее тонкие губы сжаты в узкую линию, взгляд бежит по кабинету. Лоб наморщен. И вся она какая-то напряженная, зажатая, неестественная. Дама еле-еле улыбается; никто не будет ничего предпринимать против Зоинной воли.*

Для полноценного общения с собеседниками необходим эмоциональный контакт, а Зойка чувствует неискренность и неестественность новых родителей, ей непонятны их демагогические рассуждения и установки, которым она все-таки пытается следовать, доверяя взрослым и стараясь прижиться в новой семье. Демагогия как форма манипулирования стремится ввести ребенка в заблуждение и склонить его на свою сторону с помощью ложных или искаженных рассуждений. *Отсутствие пунктуальности говорит о полнейшей безответственности человека перед другими индивидуумами и перед обществом. – Папа назидательно поднимал указательный палец. – Сегодня ты не пришла вовремя к назначенному часу, а завтра твое опоздание может вылиться во вселенскую катастрофу. – Теперь лишние полчаса будешь сидеть за уроками, – вступала монотонным голосом мама.* Демагог из корыстных побуждений применяет недобросовестные приемы в речевом общении, его рассуждения или требования основаны на грубо одностороннем истолковании правил образа жизни. Воздействие на чувства предполагает намеренное извращение фактов.

Новые родители убеждены в правильности избранной линии поведения. Они безапелляционно декларируют свои небесспорные жизненные принципы, не обращая внимания на реакцию Зойки. *Собаки, и тем более кошки, держат «одни засранцы. От зверей столько грязи, что век не отмоешься. А еще аллергия, глисты чесотка и токсоплазмоз!» В зоопарке тоже «было нечего делать», с Сашкой «следовало прекратить якишаться», а танцы было «необходимо выкинуть из головы». «Танцуют одни проститутки».* Как отмечает И. А. Мартынова, в речевом общении с ребенком должна присутствовать похвала, необходимая для его нормального развития. Дети неспособны долго сосредотачиваться на предмете речи, поэтому говорящий должен заботиться о ее конкретности, эмоциональности, увлекательности, разнообразить приемы подачи доступного материала [6, с. 112].

Как манипуляторы новые родители-демагоги довольно примитивны: они сознательно использует менторский тон, безапелляционно навязывая свое мнение, не скрывают свои цели и стремление к манипулятивному воздействию. — *Сказки — это абсолютное зло, заставляющее человека верить в иллюзию и ждать чуда. — А разве плохо ждать чуда? — Конечно, нет ничего хуже несбывшейся надежды. Все хотят быть Золушками и Прекрасными принцами, а желать надо реальных вещей. Витание в облаках никогда до добра не доводило.*

Карикатурным представляется образ жизни семьи в отношении к еде: *После прогулки шли ужинать: котлетки паровые, такие же овощи. На гарнир гречка, опять гречка и снова гречка. Питание должно быть здоровым, — провозглашала мама. Родители не признавали ничего из питья, кроме воды. В исключительных случаях травяной чай в качестве успокаивающего. Все остальное портит цвет лица и поднимает сахар крови, — изрекал папа.*

У этих людей нет сомнений в справедливости и полезности своих действий. Новые родители живут в плену расхожих формул, не решаясь осознать свои возможности и желания, при этом позиционируют себя истинными интеллигентами. Каждую пятницу, вне зависимости от репертуара, отправлялись в консерваторию «питаться искусством». *«Интеллигентные люди обязаны восхищаться классической музыкой и ценить ее».* Однако ребенок воспринимают «полезное» взаимодействие по-другому. Зойка не оправдывала ожиданий, она не подходила и никак не могла заставить себя полюбить этих странных людей. Ее не прогоняли, ей не грубили, ее не наказывали. Ее терпели. Терпели с трудом и кислым выражение лица. Беда новых неудачливых родителей в том, что манипуляция и демагогия наносит ущерб самим манипуляторам. Как пишет Е. Л. Доценко, сама технология манипулятивного воздействия требует от манипулятора известной внутренней раздвоенности. Как правило, таковая уже имеется, поскольку именно желание справиться со своими же затруднениями ведет человека к использованию для этой цели других людей. Однако расщепление других не проходит для него бесследно, поскольку достигается это посредством активной эксплуатации собственной противоречивости. Таким образом, используя другого, манипулятор наносит вред не только ему, но и самому себе [7, с. 103].

Манипулятивная опасность может распознаваться как на уровне чувств, так и на уровне понимания. Эмоциональная оценка и рациональное понимание не обязательно осознаются, но так или иначе оказывают влияние на поведение человека. Интуитивное понимание манипуляции позволяет ребенку осознать свои желания и потребности. Зойка терпеть устала. Она вернулась в детдом: *Назад Зойку оформили без проволочек. Новые родители навсегда исчезли из ее жизни так же внезапно, как и появились. И никаких слов на прощание, и никаких просьб о прощении. Ошиблись люди. Бывает. А ребенок? Ну, что ребенок — переживет как-нибудь.*

Манипуляция как выражение неуважительного отношения к ребенку терпит крах, причиняя моральный ущерб самому манипулятору и, конечно, подопечному.

В рассказе А. Слаповского «Лукьянов и Серый» «воспитатель» – Лукьянов, скучающий дачник, из лучших побуждений пытающийся поучать деревенского подростка, ворующего яблоки. Лукьянов ощущает себя очень правильным человеком, но «правильность» эта основана на наборе лозунгов и публицистических клише, на которых, как ему кажется, строится жизнь.

При встрече с парнем, ворующим у него яблоки, Лукьянов с воспитательной целью пытается наладить контакт при помощи нравоучительных высказываний. Неудача манипуляции состоит в том, что Серый (парень действительно отпетый хулиган) чувствует пустоту слов Лукьянова.

Обороты книжной лексики, свойственные внутренней речи Лукьянова, свидетельствуют об отсутствии собственной мысли, о неспособности к какому-либо анализу ситуации. Несобственно-прямая речь переполнена газетными штампами, вытеснившими потребность мыслить. 1. *Может, и плохо, что не поймали, задним числом рассуждал Лукьянов, безнаказанное преступление, пусть и небольшое, породило череду других тайных не очень хороших поступков, которые, увы, случались в его жизни. А вот если бы получил он сразу же крепкий урок, может, остерегся бы и прожил жизнь иначе, лучше, ведь, как известно, наши грехи на наши головы в итоге и валятся.* 2. *И вообще безнаказанность – самая ужасная черта нашей современности: все делают, что хотят, и никому ничего за это не бывает.*

При помощи расхожих формул он оценивает себя со стороны. 1. *В нем напрочь отсутствовало чувство собственности, по крайней мере такое, что побуждает некоторых за свое добришко перегрызть другому человеку горло, зато всегда жило напряженное чувство гражданской ответственности. Оно-то и заставило Лукьянова действовать.* 2. *Лукьянова аж всего нравственно перекосило: он и от взрослых терпеть не мог мата, а от детей и подавно.*

Лукьянов склонен к социальным обобщениям. 1. *Не раскаяние, а злобу и досаду, вот что чувствуют все наши преступники, когда их хватают с поличным, социально обобщил в уме Лукьянов, держа пацана и думая, что делать дальше.* 2. *Вдруг это очень бедные люди, каких немало в наше время, им не на что жить, вот они и посылают ребенка воровать яблоки, чтобы потом продать их проезжающим горожанам? Пусть выручка будет рублей сто или двести, но для кого-то и это – деньги.* 3. *Продаю на дороге, – неохотно признался Серый, и Лукьянов мысленно похвалил себя: почти угадал, знает все-таки народную жизнь!*

Однако уже небольшое сомнение может завести мысль в тупик: *Никакая бедность воровства не оправдывает. Лукьянов сам не миллионер, однако чужого в жизни не возьмет, даже если будет умирать с голоду. Тут Лукьянов споткнулся о собственную мысль, задавшись вопросом: действительно ли он, умирая с голоду, не будет способен украсть, например, кусок хлеба? Но тут же решил, что вопрос этот отвлеченный, теоретический, не надо все запутывать и усложнять. Лукьянов живет чужой мудростью: Если сейчас спустить все на тормозах, он поймет, что это был только порыв, быстро сошедший на нет, как часто, увы, бывает в русской жизни,*

разочаруется в мужской силе и воле, это его испортит. Разумное насилие – неотъемлемая часть воспитательного процесса, вспомнил Лукьянов чью-то мудрость. Это «разумное насилие» проявляется в том, что Лукьянов обвязал парня ремнем за шею так, чтобы и не придушить, но и чтобы нельзя было стащить через голову. Как тут не злиться? Да и без повода стали мы злы безмерно, раздражает нас чужая нищета, давит на совесть, вернее, на душевную нейтральность, с которой мы свыклись. Печально, печально, мысленно грустил Лукьянов.

Лукьянов, этот современный Иудушка Головлев, на его взгляд, высокоморальная личность, льстит себя мыслью о благородстве, предлагая Серому деньги. Неудавшийся манипулятор сам становится жертвой своей манипуляции, так как манипуляция превращается в единственный способ жизни. Как считает Е. Л. Доценко, картина разрушений от манипуляции содержит также и ущерб, наносимый самому манипулятору. Апеллируя к низменным мотивам, манипулятор невольно повышает их значимость в собственных глазах. Деформация или задержка личностного роста для манипулятора, возможно, чревата даже большими издержками, чем для адресата, поскольку в данном случае он не жертва манипуляции, а «сам того хочет». Манипулятор, особенно успешный, в угоду манипуляции сужает свой арсенал средств достижения целей, поэтому ему со временем все труднее вырваться из «своей колеи» [7, с. 163].

Грубый манипулятор, Лукьянов не может подстроиться под особенности своего собеседника, неловко пытается использовать «присоединение по...» (стратегиям поведения, эмоциональному состоянию). В нем есть потребность в объединении, в общении со своим подопечным, но внутренняя ограниченность, косность не позволяют ему отойти от привычных стереотипов. Он терпит неудачу в стремлении создать у подростка иллюзию свободы выбора; неловкие попытки найти мотив, через который можно проникнуть в психическую сферу, «влезть в душу», также не приводят к успешной коммуникации.

Нельзя не согласиться с выводом Е. Л. Доценко, что сама технология манипулятивного воздействия требует от манипулятора известной внутренней раздвоенности. Как правило, таковая уже имеется, поскольку именно желание справиться со своими же затруднениями ведет человека к использованию для этой цели других людей. Однако расщепление других не проходит для него бесследно, поскольку достигается это посредством активной эксплуатации собственной противоречивости. Таким образом, используя другого, манипулятор наносит вред не только ему, но и самому себе [Там же, с. 103].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И. А.* Практическая риторика / И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Академия, 2005. – 272 с.
2. *Караулов, Ю. Н.* О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Рус. речь. – 2001. – № 3. – С. 7–15.

3. *Козырев, В. А.* Речевой портрет современного учителя: поиски идеала / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестн. Герцен. ун-та. – 2010. – № 1 (75). – С. 36–42.
4. *Столярова, И. В.* Лексико-синтаксические средства создания образа учителя в современной прозе / И. В. Столярова // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации : материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, 11–13 нояб. 2011 г. / РГПУ ; редкол.: В. Д. Черняк (гл. ред.) [и др.]. – СПб., 2011. – С. 132–139.
5. *Стернин, И. А.* Правила и приемы речевого воздействия : учеб. пособие / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 127 с.
6. *Мартьянова, И. А.* Основы риторики : практ. материалы для занятий с учащимися : 10–11 классы / И. А. Мартьянова. – М. : Эксмо, 2007. – 128 с.
7. *Доценко, Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – СПб. : Речь, 2003. – 304 с.